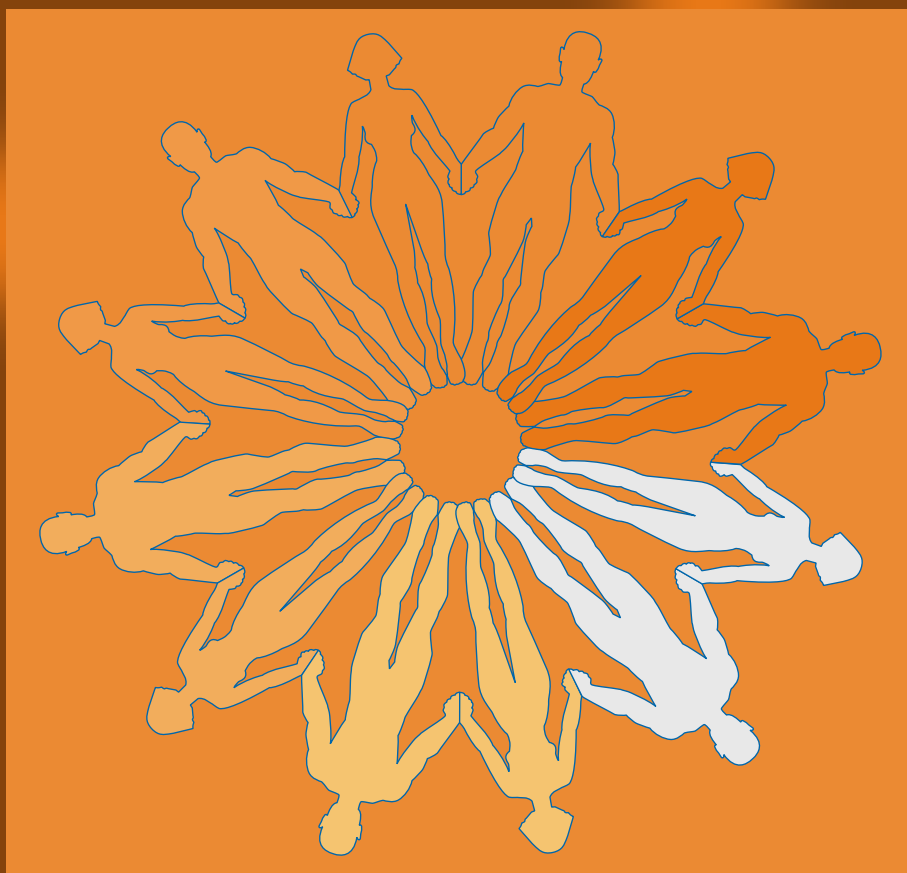

Мужчины, типы маскулинности и развитие личности: Расширяя возможности гендерного равенства

Алан Грэйг
Майкл Киммель
Джеймс Ланг

Роль гендерных факторов
в развитии человеческого потенциала (серия монографий)

Монография №10
Мужчины, типы маскулинности и развитие личности

**Мужчины,
типы маскулинности
и развитие личности:
Расширяя возможности
гендерного равенства**

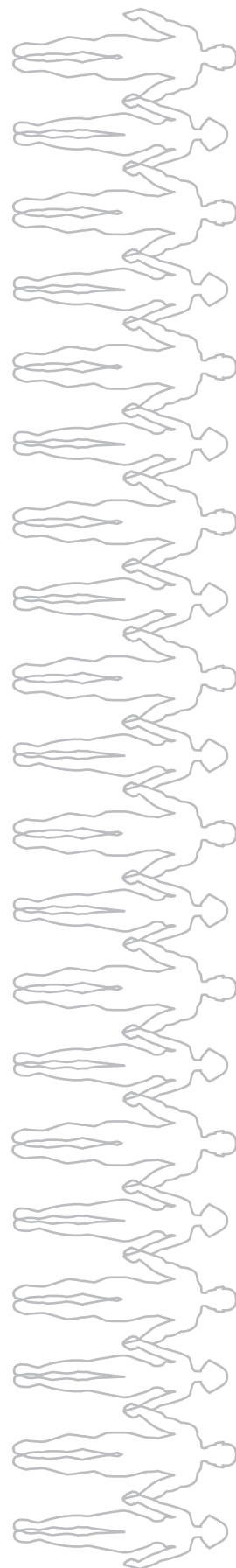
Алан Грэйг
Майкл Киммель
Джеймс Ланг

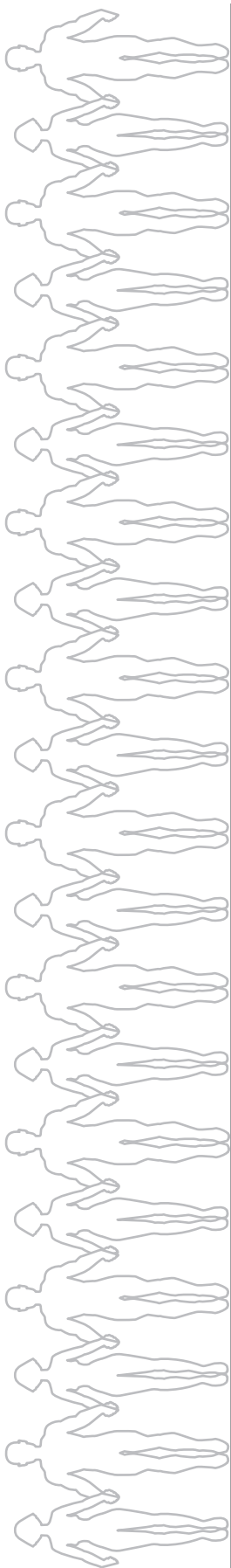
2006 г.

Перевод А. Скребнева
(skrebniow@gmail.com)

Роль гендерных факторов в развитии
человеческого потенциала (серия монографий)

Монография № 10
Мужчины, типы маскулинности
и развитие личности

ОБ ЭТОЙ СЕРИИ

Как живут мужчины и женщины, как они работают, какой получают доход, какие социальные роли выполняют и в какие отношения вступают — все это определяется социальными нормами и традициями, и определяется для мужчин и для женщин по-разному. Потому что мы живем в мире, где гендер имеет очень большое значение. Он пронизывает наши нормы, традиции и общественные идеи, выражаясь более конкретно в законах, социальных институтах, социально-экономических структурах, таких, например, как семья и рынок труда. Однако сферы ответственности мужчин и женщин и получаемые ими блага распределяются не только по-разному, но еще и несправедливо. В результате, как ясно показано в Докладе о развитии человеческого потенциала (UNDP, 1995), в экономической и политической деятельности продолжается маргинализация женщин. Если мы хотим искоренить это неравенство и несправедливость, нам необходимо понять, как гендерные различия обуславливают такое положение. Представленная серия монографий «Роль гендерных факторов в развитии человеческого потенциала» призвана помочь в этом понимании.

Анализируя гендерные реалии современного мира в данной серии монографий, авторы связывают свои полевые исследования жизни конкретных мужчин и женщин с макроуровнями политики и экономики, что не всегда имеет место в теоретических и практических работах, посвященных развитию человеческого потенциала. Монографии серии рассматривают на национальном и международном уровнях все многообразие и сложность связей между такими ключевыми проблемами современности, как бедность, обеспечение жильем, управление, технологии. Проводится анализ того, как по-разному гендерные аспекты определяют жизнь и поведение мужчин и женщин.

Авторами замечено, что гендерные предпосылки неравенства и несправедливости сильны и пронизывают все общественные сферы. Однако монография также доказывает, что гендерный подход может помочь социально-экономическим изменениям. Если различные роли и виды ответственности предписаны обществом, тогда, по определению, общество, то есть мы, может изменить их. Если мужчины и женщины смогут понять свое место и роль в обществе, а также то, каким образом сконструирован гендер, они смогут выработать новые модели совместной жизни.

Представленные монографии — результат разработок ведущих теоретиков и практиков в области гендерных исследований и развития человеческого потенциала. Каждая работа серии отражает взгляд на проблему, определяемый подготовкой и опытом конкретного автора, и такое многообразие взглядов абсолютно необходимо для тех дискуссий, которые создатели данной серии надеются начать. Однако при всем этом многообразии каждый автор доказывает необходимость гендерного подхода к проблемам развития человеческого потенциала, а также возможность изменения моделей совместной жизни и деятельности мужчин и женщин силами общества, то есть нас с вами.

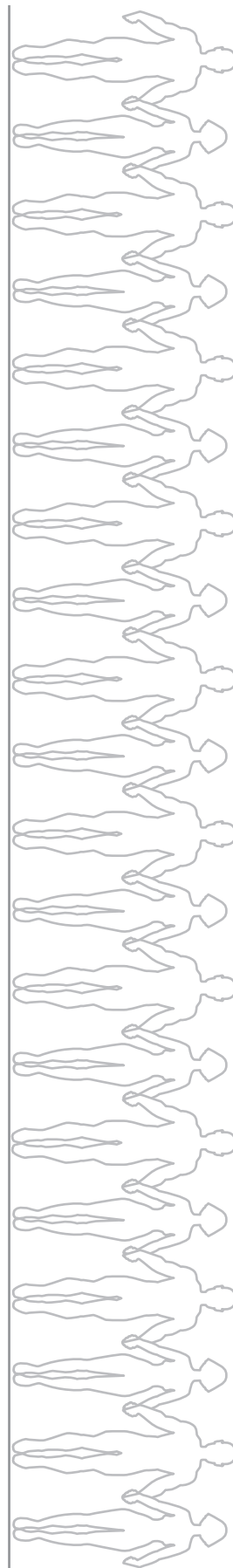

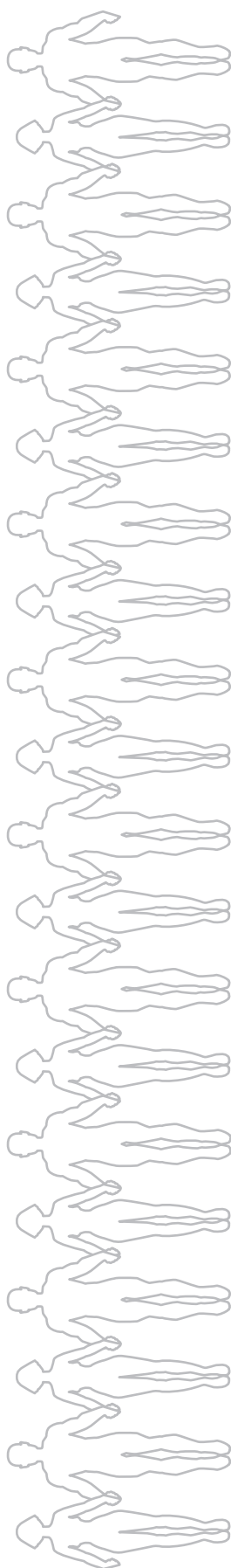
Астер Зауд,
руководитель программы «Роль гендерных факторов
в развитии человеческого потенциала» ПРООН

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность членам группы «Мужчины и гендерное равенство» программы «Роль гендерных факторов в развитии человеческого потенциала» ПРООН, особенно Саре Мурисон (Sarah Murison), Розмари Калапуракал (Rosemary Kalapurakal), Лин Миллер (Leueen Miller), Ли Резерфорд (Leah Retherford), Даше Силович (Dasa Silovic), Сесилу Таффе (Cecil Taffe), Шерон Тэйлор (Sharon Taylor) и Астер Зауд (Aster Zaoude). Отдельная благодарность Эмми Аронсон (Amy Aronson), Улле Бисгаард (Ulla Bisgaard), Нилуфер Кагатай (Nilufer Sagatay), Паз Кастильо-Руиз (Paz Castillo-Ruiz), Маргарет Чи (Margaret Chi), Диане Элсон (Diane Elson), Яэль Флюсберг (Yael Flusberg), Рут Хейворд (Ruth Hayward), Мумтаз Кеклик (Mumtaz Keklik), Саре Кершнер (Sara Kershner), Майклу Кауфману (Michael Kaufman), Радике Лал (Radhika Lal), Кейли Лефеве (Kayley LeFaiver), Валентин Мей (Valentine Meille), Джеффу Превитту (Geoff Prewitt), Элизабет Сатой (Elizabeth Satow) и Жаклин Симс (Jacqueline Sims) за их ценные комментарии и вклад в работу¹.

¹ Переводчик приносит извинения за возможные ошибки в определении грамматического рода и произношения отдельных имен и фамилий членов группы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЗНАЧЕНИЯ МАСКУЛИННОСТИ.....	7
Биологическая предопределенность или социальный конструкт?	7
Дискурсы власти.....	10
СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАСКУЛИННОСТИ	11
Власть и патриархатные отношения	11
Производство и социальное воспроизводство	12
Бедность	14
Власть и управление	15
Насилие и конфликт	17
Здоровье и здравоохранение	19
Организация отдельных рабочих мест и учреждений в целом	22
ИТОГИ И ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ.....	24
ЛИТЕРАТУРА	27

ПРЕДИСЛОВИЕ

Какой вклад должны вносить в процесс развития человеческого потенциала мужчины как отдельная группа? Они играют самые различные роли в экономике, семье, местном сообществе. Они — мужья и отцы, братья и сыновья. И сквозь все различия, будь то классовые, расовые, этнические, сексуальные, возрастные, религиозные, проходит одна черта, их объединяющая, — их гендерные привилегии. Конечно, мужчины, как и женщины, испытывают на себе давление структур гендерной власти, которые переплетаются с другими иерархическими структурами, такими как, например, расовые или классовые. Но все-таки мужчины, занимая самые разные позиции в других иерархических структурах, разделяют одну стратегическую цель — сохранять свои гендерные привилегии и не допускать в них сомнений. Коннелл утверждает:

Такое гендерное устройство, где мужчины доминируют над женщинами, необходимо объединяет мужчин как группу, заинтересованную в охране статус-кво, а женщин — как группу, заинтересованную в его изменении (Connell, 1995).

Процессы, которые делают одну группу привилегированной по отношению к другой, часто привилегированной группой не замечаются, так же как, например, доминантная раса не замечает расовых проблем. Возможность не думать о гендерных проблемах — одна из привилегий мужчин в патриархатном обществе. Мужчина вообще не воспринимает себя как существо, имеющее социальный пол, и именно это одна из причин, почему часто и теоретики и практики развития человеческого потенциала (как мужчины, так и женщины) понимают гендерные проблемы неправильно и сводят их к проблемам женщин.

Гендер как детерминант общественных отношений, определяющий и поддерживающий власть мужчин над женщинами, влияет не только на отношения мужчин и женщин, но и на отношения между различными группами женщин, так же как между различными группами мужчин. Гендерное равенство достижимо только в результате изменения жизни как мужчин, так и женщин, и, чтобы интегрировать гендерные проблемы в процесс развития человеческого потенциала, необходимо концентрироваться не только на женщинах (что, конечно же, жизненно важно), но и на мужчинах. Однако в программах развития, посвященных гендерному неравенству и продвижению женщин, основное внимание уделяется женщинам, а мужчины по-прежнему остаются направлением скорее имплицитным, выраженным неявно. «В литературе, посвященной проблемам гендера и развития человеческого потенциала, мужчины почти не присутствуют, играя роль некоего туманного фона» (White, 1997). Тем не менее в последнее время все чаще признается необходимость определить, каковы же отношения между мужчинами и гендерной политикой в теории и практике развития человеческого потенциала, какова роль ответственности мужчин за неравное положение женщин, а также каким может быть вклад мужчин в устранение этого неравенства.

Это признание в определенной степени явилось результатом концептуального перехода от подхода «Женщины в развитии» к подходу «Гендер и развитие».

Подход «Гендер и развитие» отличается от подхода «Женщины в развитии» по трем позициям. Во-первых, основное внимание пере-

...В первую очередь исследование того, что же такое маскулинность и как она функционирует, дает возможность переосмыслить стратегические интересы мужчин в борьбе с теми социальными ценностями и практиками, которые воспроизводят и укрепляют существующую гендерную иерархию.

носитя с женщин на гендерные проблемы и неравное распределение власти между мужчинами и женщинами. Во-вторых, все социальные, политические и экономические структуры и процессы рассматриваются теперь с точки зрения гендерных проблем. В-третьих, мы признаём, что для достижения гендерного равенства необходимы социальные трансформации (United Nations, 1999, p. ix).

Целью данной работы является определение понятия «маскулинность», его границ и сфер применения и на основе этого обсуждение той роли, которую могут сыграть мужчины в соответствующих социальных трансформациях. Дискуссии о маскулинности создают теоретическую базу для исследования того, насколько мужчины ответственны за существующее неравенство и несправедливость, а также того, как они способны изменить эту ситуацию. Понятие маскулинности рассматривает мужчин в гендерном аспекте. Определение и обсуждение этого понятия дает возможность проанализировать, каковы причины политического, экономического и культурного неравенства и как несправедливо распределяются права и власть, причем не только между разными гендерными группами, но и внутри мужских и женских коллективов. И конечно же, в первую очередь исследование того, что же такое маскулинность и как она функционирует, дает возможность переосмыслить стратегические интересы мужчин в борьбе с теми социальными ценностями и практиками, которые воспроизводят и укрепляют существующую гендерную иерархию.

Изучение маскулинности и той роли, которую она играет в развитии человеческого потенциала, — это не просто интеллектуальное упражнение. Такое изучение имеет самое практическое значение для повышения эффективности программ, которые призваны улучшить социально-экономическую ситуацию практически в каждой стране. Доклад 1997 г. о развитии человеческого потенциала предупреждает: «Если развитие человеческого потенциала не подвергается гендерному анализу, оно подвергается опасности». Гендерное равенство — не только конечная цель, это еще и средство, необходимое для устойчивого развития человеческого потенциала и искоренения бедности. Стороны, подписавшие в 1995 г. Копенгагенскую декларацию по социальному развитию (Обязательство 5), провозгласили:

Мы обязуемся содействовать полному уважению достоинства человека и достижению справедливости и равенства в отношениях между мужчинами и женщинами и признавать и расширять участие и руководящую роль женщин в политической, гражданской, экономической, социальной и культурной жизни и в процессе развития (United Nations, 1995).

Имеется масса документальных свидетельств последствий гендерного неравенства в мире. В 1995 г. Пекинская платформа действий определила сферы, вызывающие серьезную тревогу: углубление бедности женщин; насилие в отношении женщин; экономическое и политическое неравенство как в отношении всех форм производительной деятельности, так и в доступе к ресурсам; неравенство мужчин и женщин в структурах власти и принятии решений на всех уровнях; гендерное неравенство в управлении природными ресурсами и охране окружающей среды (United Nations, 1995a).

Таким образом, мужчины и социальные институты, где они доминируют, создают во всех сферах жизни тот гендерный порядок, который ущемляет права женщин, и при этом пользуются преимуществами такого положения. В таком гендерном контексте данная работа ставит вопросы о том, как мужчины могут способствовать гендерному равенству:

- В какой степени возможно вовлечь мужчин в трансформацию того гендерного порядка, который в настоящее время дает им привилегии?
- В какой степени гендерные программы должны включать работу с мужчинами, если ресурсов едва хватает на работу с женщинами?
- Как в рамках этих программ можно работать с мужчинами с целью достижения гендерного равенства?
- Как теория и практика исследования маскулинности может помочь гендерным программам задействовать потенциал мужчин в качестве активных субъектов трансформаций и при этом уделять не меньшее внимание продвижению женщин?

Многие организации, работающие для развития человеческого потенциала, испытывают всевозрастающий интерес к мужчинам не как к объектам обвинений, а как к потенциальным активным участникам перемен. Комментируя роль мужчин в распространении ВИЧ, Питер Пиот, исполнительный директор программы ООН по проблемам СПИД/ВИЧ (ЮНЭЙДС), сказал: «...пришло время рассматривать мужчин не как некую проблему, а как часть решения этой проблемы». Остается ответить на вопросы: «Какие мужчины?» и «Какие решения?»

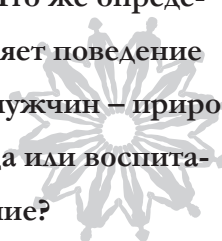
ЗНАЧЕНИЯ МАСКУЛИННОСТИ

Дискуссии о проблемах маскулинности как раз и помогут найти ответы на эти вопросы. Но перед тем, как оценить полезность таких дискуссий, важно рассмотреть все те различные значения, которые имеет термин «маскулинность», предпосылки этих значений и их теоретические и практические следствия. Маскулинность можно определить как способ объяснить действия мужчин, однако различная терминология при этом будет отражать различные идеи, будь то биологический детерминизм, эссенциализм, культурный либо социальный конструктивизм или маскулинность как дискурс власти.

Биологическая предопределенность или социальный конструкт?

Обе научные школы соглашаются с тем, что маскулинность — эффективное средство объяснить поведение мужчин, однако по-разному отвечают на вопрос, что же определяет поведение мужчин — природа или воспитание. Сторонники теории биологического детерминизма используют термин «маскулинность» для определения врожденных черт и качеств мужчин, которые отличают их от женщин. Для сторонников теории биологического детерминизма маскулинность есть природа мужчины, и это само по себе объясняет не только отличия от женщин, но и неравенство мужчин и женщин. При этом получается, что привилегии мужчин в политике, экономике, культуре есть прямое следствие их «мужских преимуществ», таких как, например, генетическая предрасположенность к агрессии (в противоположность женской пассивности), физическая сила (в противоположность женской слабо-

Что же определяет поведение мужчин — природа или воспитание?

сти), сексуальные побуждения (в противоположность женской сексуальной сдержанности).

Недостаток теории биологического детерминизма в том, что границы «нормативной» маскулинности она определяет произвольно, и простираются они могут от врожденных физиологических черт мужчин до их врожденной рациональности. Теория и практика феминизма давно критиковала эти взгляды, указывая на то, что такое объяснение гендерного неравенства и гендерной иерархии очень удобно использовать в политических целях. Однако различные организации, работающие в сфере развития человеческого потенциала и практики этой сферы, часто игнорировали существование теории биологического детерминизма в отношении мужчин и маскулинности. Как результат, они оказались не готовы к тому, что подобное мышление вдруг стало популярным. Произошло это в результате ряда глобальных событий в политике, экономике и культуре, которые поставили под сомнение власть мужчин и одновременно способствовали продвижению женщин. Например, описывая события в Сербии в 1990 г., Благоевич (Blagojevic, 1999) отмечает, что «перемены в политике и экономике угрожали идентичности мужчин намного больше, чем идентичности женщин». Как следствие:

На сцену вышли новые пророки, утверждающие, что преимущества мужчин закреплены самой природой, и доказывающие это социально-биологическими аргументами. Одним из таких пророков был Тоцевски, который провозглашал, что маскулинность сербов превосходит западную, и пропагандировал открытый промискуитет для мужчин... Та популярность, которую он себе снискал, та скорость, с которой его идеи проникли в публичный дискурс, имидж «популярной мужской мифологии маскулинности сербов» в его работах — все это вместе показывает, насколько серьезна проблема утерянной идентичности мужчин в сербской культуре.

Сторонники теории биологического детерминизма также использовали появившееся антиглобалистское движение. Исследователи описывают те способы, с помощью которых религиозный фундаментализм и этнический национализм используют местную культурную символику для того, чтобы сопротивляться более крупной доминирующей силе международного масштаба (см., в частности, Jurgensmeyer, 1995, и Barber, 1994). Такие выражения религиозной и национальной идентичности часто проявляются в том числе и в протестах в гендерной сфере, включая резкое возрождение патриархата на семейном уровне и даже воинствующего женоненавистничества. Другими примерами могут быть споры о маскулинности в международном масштабе и принижение маскулинностей соседних этносов (как в бывшей Югославии), а также открытые символические притязания на «особые мужские качества» определенной религиозной или этнической группы, которые якобы присущи только этой группе и которые восстановят привилегированное положение мужчин. Таким образом, маскулинность становится неким дискурсивным знаменем, под которым собираются противники международной интеграции, государственной централизации и межэтнических контактов различного рода. Как видим, в таких условиях и возрождаются идеи традиционных, местных видов маскулинности и необходимости гендерных иерархий. Коннелл замечает (Connell, 1998, p. 17): «Экстремистский мужской фундаментализм идет рука об руку с оформленным антиинтернационализмом».

Этот фундаментализм использует идеи биологического детерминизма, и политические последствия такого симбиоза заставили исследователей искать другие определения тому, что же такое мужчина и маскулинность.

То, что гендер конструируется обществом и в обществе, есть, конечно же, основная доктрина феминизма, женского движения, и, как следствие, теории и практики подхода «Гендер и развитие», причем эта доктрина обычно применялась в программах, посвященных продвижению женщин, и только в редких случаях касалась мужчин. Однако в последнее время все больший интерес вызывает определение гендерной идентичности мужчин, а именно исследование маскулинности как культурного конструкта. Такое исследование также стремится определить мужчин и их поведение в рамках маскулинности, но маскулинности как воплощения социальных и культурных норм, которые предписывают, а иногда и навязывают мужчинам (в противопоставлении женщинам) роли, права, сферы ответственности и модели отношений.

Если рассматривать маскулинность как культурный конструкт, то она метафорически выражается в ролях и моделях поведения. Анализ этих метафор и моделей дает тем, кто практически работает в сфере развития человеческого потенциала, ряд инструментов для привлечения мужчин к достижению гендерного равенства. Например, отделение мужчин как индивидуумов от их социальных ролей дает возможность самим мужчинам осознать свое место в гендерной структуре общества и процесс появления своей собственной гендерной идентичности. Осознание мужчинами своей гендерной идентичности и того, как она влияет на их жизнь, может стать первым шагом к достижению гендерного равенства.

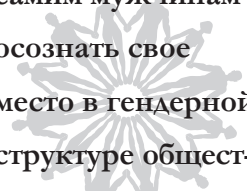
Изучение того социального давления, которое испытывают мужчины и которое трансформируется в их желание соответствовать определенным мужским ролям (политическим и социальным, а также эмоциональным и психологическим), дает возможность определить, какой ценой достается мужчинам нынешний гендерный порядок. Выступая от имени антисексистской организации в Зимбабве, Гокова (Gokova, 1998) пишет:

Мужчины еще не поняли, как много они платят за то, что настаивают на различии гендерных ролей... Они отказывают себе в возможности быть человеческими существами, особенно в том, что касается их отношений с женщинами. Они упускают возможность проверить себя в условиях, когда женщины имеют равные с ними права. Держась за миф мужского превосходства, они часто страдают от стресса, раньше умирают, потому что стараются соответствовать модели, которая им не подходит, и продолжаться это долго не может.

Эта концепция давления маскулинности, часто в сочетании с пониманием того, что мужская идентичность непрочна, хорошо объясняет типичные проблемы мужского поведения, такие как насилие и рискованное сексуальное поведение. Благодаря этой концепции некоторые программы стали уделять больше внимания причинам социального давления в процессе социализации. Работа с теми социальными институтами, которые определяют процесс социализации и превращения мальчика в мужчину (семья, система образования, религиозные организации, культурные институты), дает возможность специалистам по развитию человеческого потенциала включить мужчин в процесс достижения гендерного равенства, а также возможность создания новых моделей маскулинности и мужской идентичности. Эти новые модели способствуют достижению гендерного равенства и в конечном счете повышают эффективность деятельности по развитию человеческого потенциала.

Определение маскулинности в терминах социума и культуры — это также способ переосмыслить отношение мужчин к гендерному не/равенству. В некоторых случаях это означает перенос ответственности за притеснение

Отделение мужчин как индивидуумов от их социальных ролей дает возможность самим мужчинам осознать свое место в гендерной структуре общества и процесс появления своей собственной гендерной идентичности.

Определение
маскулинности в
терминах социума
и культуры – это
также способ
переосмыслить
отношение муж-
чин к гендерному
не/равенству.

женщин с мужчин на маскулинность. Однако в этом переносе таится опасность, связанная с тем, насколько социальные конструкты маскулинности определяют действия мужчин. Хайсе (Heise, 1997, р. 424) ставит вопрос: «Что же в различных культурах провоцирует мужчин на агрессивное сексуальное поведение?» – и заключает, что «причиной жестокого поведения мужчин по отношению к женщинам является неуверенность мужчин относительно своей маскулинности». В той же работе (р. 426) Хайсе пишет:

...Чем больше я исследую насилие в отношении женщин, тем больше я убеждаюсь, что единственный реальный путь решения этой проблемы – предложить новое определение того, что значит быть мужчиной.

Но предположение, что для уменьшения или искоренения мужского насилия мужчины нуждаются в новом определении маскулинности, ведет к приоритету вопроса об идентичности над вопросом о ценностях. Оба вопроса связаны между собой, в частности, в том, что во многих (если не во всех) культурах обесценивание женщины – неотъемлемая часть мужской идентичности. Но эта гендерная иерархия ценностей также взаимосвязана с другими ценностными иерархиями и структурами подавления (например, по признаку сексуальной ориентации, расы, класса). Поэтому представляется необходимым не отрывать друг от друга два вида дискуссий: дискуссию о поведении мужчин в терминах их мужской идентичности и более широкую дискуссию о ценностях и социальных практиках, которые определяют властные отношения как между мужчинами и женщинами, так и внутри мужских и женских групп.

Дискурсы власти

Маскулинность, если этот термин вообще можно определить кратко, есть одновременно и место в гендерных отношениях, и социальные практики, посредством которых мужчины и женщины занимают это место, и результаты этих практик, выраженные в формировании личности, телесного опыта и культуры.

Это определение, предложенное Коннелл (Connell, 1995, р. 71), хотя и сложное, но достаточно емкое. Оно показывает нам, что маскулинность не есть собственность мужчин, и поэтому далеко не всегда термины «мужчины», «мужской», «маскулинность» взаимозаменяемы. Дискурсы маскулинности могут применяться, а также навязываться обществом как мужчинам, так и женщинам.

Как женщина, я потребляю маскулинность, но также потребляют маскулинность и мужчины; и так же, как мужчины, я как женщина создаю и применяю различные типы маскулинности (Sedgwick, 1995, р. 13).

Понимание маскулинности как дискурса расширяет фокус исследования, выводит его за пределы сферы мужчин, за пределы биологического и культурного оснований их маскулинной природы или идентичности. Задачей тех, кто работает в сфере развития человеческого потенциала с проблемами отношений мужчин к гендерному равенству, становится изучение этих отношений в контексте отношений к власти, причем не только между мужчинами и женщинами, но и внутри мужских и женских групп. Дискурсивный подход к изучению маскулинности, задавая вопросы «Кто участвует в

коммуникации?», «С какой целью?», определяет те ценности и социальные модели, которые создают иерархии власти, и тем самым помогает найти нужный контекст. Женоненавистничество, гомофобия, расизм, дискриминация по классовому признаку — из всего этого состоит так называемая «политика маскулинности», создаваемая и используемая мужчинами, чтобы заявить свою власть над женщинами, а в некоторых случаях — и над другими мужчинами.

Дискурсивные подходы к исследованию маскулинности анализируют, как она становится стартовой площадкой для того, чтобы заявить свою власть и сохранить ее. Такие подходы позволяют говорить уже не о маскулинности, а маскулинностях и проследить, как появляются подчиненные маскулинности в ответ на давление доминирующей маскулинности.

Переход от маскулинности к маскулинностям — это больше чем способ объяснить, что мужчиной можно быть по-разному. Этот переход помогает понять связи между маскулинностями и властью, ее распределением и результатами, а также напряжение между различными маскулинностями. Те, кто работает с мужчинами в сфере развития человеческого потенциала и гендерного равенства, найдут в этом подходе много полезного — например, то, что такая работа не должна замыкаться на маскулинности, если необходимо изменить мужскую идентичность и предложить мужчинам лучшие модели мужского поведения (что иногда тоже важно для отдельных мужчин). Понимание «политики маскулинности» означает, что ценности и социальные практики (как индивидуальные, так и институциональные), ведущие к гендерному неравенству, тесно связаны с созданием и функционированием других иерархий угнетения. Изменение этих ценностей и практик требует работы как с женщинами, так и с мужчинами на уровнях разработки общей политики и отдельных программ, требует всех ресурсов для достижения перемен, и при этом цели гендерного равенства должны быть неотъемлемой частью движения к социальной справедливости.

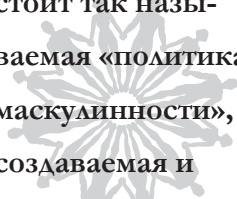
СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАСКУЛИННОСТИ

Данный раздел исследует сферы функционирования маскулинности в их соотношении с рядом важных проблем и тем из сферы развития человеческого потенциала. Дискуссия об этих сферах и выводах, которые можно сделать относительно роли мужчин в интеграции гендерного подхода в практику развития человеческого потенциала, дает возможность выработать несколько рекомендаций для мероприятий по развитию человеческого потенциала, программам и определению общей политики в этой сфере.

Власть и патриархатные отношения

Одной из основных функций, которые выполняют дискурсы маскулинности, является придание власти мужчинам статуса естественности. При этом дуализм «мужское — женское» основывается на целом ряде противопоставлений сильного мужчины и слабой женщины: твердость — мягкость, активность — пассивность, продуктивность — репродуктивность, склонность (и способность) к военному делу — склонность (и способность) к воспитанию

Женоненавистничество, гомофобия, расизм, дискриминация по классовому признаку — из всего этого состоит так называемая «политика маскулинности», создаваемая и используемая мужчинами, чтобы заявить свою власть над женщинами, а в некоторых случаях — и над другими мужчинами.

В результате
кажущейся ес-
тественной ас-
социации между
мужчинами и
властью гендер-
ный аспект вла-
сти становится
невидимым.

детей. Такие ассоциации облегчают мужчинам доступ к политической, экономической и культурной власти и контроль над властью, затрудняя такой же доступ и контроль для женщин. Как результат, в отношениях «мужчина — власть» гендерный аспект становится невидимым.

Одним из значительных достижений феминистской научной школы явилось обозначение термином «патриархатный уклад» связей между мужчинами, гендером и властью. Как в общественной, так и в семейной жизни «патриархатный уклад» обозначает институционализацию власти мужчин над женщинами в сферах экономики, политики, ведения семейных дел и гетеросексуальных отношений.

Именно на отношении мужчин к патриархатному укладу необходимо сосредоточиться тем программам по развитию человеческого потенциала, которые хотят вовлечь мужчин в дело достижения гендерного равенства. Какими бы ни были властные отношения между мужчинами, несомненно одно:

Патриархатный уклад дает мужчинам значительные преимущества в том, что касается почета, престижа и права повелевать. Кроме того, он приносит и материальные дивиденды (Connell, 1995, р. 82).

Но также очевидно, что на размер дивидендов патриархатного уклада влияют классовое положение, социальный статус, раса, этнос, сексуальная ориентация, возраст и другие менее значительные факторы. Понятие патриархатного уклада менее применимо при изучении проблем равенства и равноправия внутри одного гендера. Несмотря на вышеупомянутые преимущества, большинство мужчин остаются в бесправном положении по отношению к элите, состоящей как из мужчин, так и из женщин, элите власти в обществах и коллективах по всему миру. Именно это бесправное положение потенциально способно объединить угнетенных мужчин и женщин наперекор разделению патриархатного уклада, а также соединить гендерную политику, которая бросает вызов патриархатному укладу, с более общим направлением социальной трансформации.

Производство и социальное воспроизводство

Однако на пути к таким изменениям, и особенно на пути к вовлечению мужчин в эти изменения, стоят серьезные барьеры, многие из которых основываются на гендерных отношениях в сферах производства и социального воспроизводства. В выигрыше от искусственного разделения между производством и социальным воспроизводством по-прежнему остаются мужчины, так как женщины, в отличие от большинства мужчин, заняты в обеих сферах, т. е. несут двойную нагрузку. Десаи (Desai, 1994) замечает:

В экономике Юга традиционные гендерные отношения затрудняют вовлечение мужчин в работу по дому, и женщинам приходится брать на себя всю ответственность за воспитание и уход за детьми, вне зависимости от того, как занята женщина на обычной работе.

В развивающихся странах индустриализация и урбанизация только усугубили то давление, которое заставляет женщин нести двойную нагрузку, и выражается это в том, что участие женщин в оплачиваемой трудовой деятельности ограничено.

Необходимо способствовать тому, чтобы перераспределить бремя репродуктивного труда (работа по дому, уход за детьми и другими членами

семьи) и обеспечить большее участие в нем мужчин. Это даст женщинам больше свободного времени и позволит им полнее участвовать в оплачиваемой трудовой деятельности (Cagatay, 1998, p. 13).

Доклад на Каирской конференции (1994), посвященный населению и развитию человеческого потенциала, привел к убеждению, что для достижения равенства женщин необходимо изменить жизнь мужчин:

Пропагандировать гендерное равенство во всех сферах жизни, включая семью и местные сообщества, способствовать тому, чтобы мужчины брали на себя ответственность за свое поведение в сексуальной и репродуктивной сферах, а также за выполнение семейных обязанностей (United Nations, 1994).

Однако политика маскулинности затрудняет социально-политические изменения, необходимые для того, чтобы мужчины по-другому взглянули на свои социальные роли и перераспределили бремя труда в продуктивной и репродуктивной сферах. В результате политики маскулинности мужчины получают преимущества, так как пользуются культурными запретами на труд в репродуктивной сфере и культурными требованиями того, чтобы мужчина был основным источником дохода в семье, «добытчиком». Такие преимущества еще более усиливаются в рамках макроэкономического развития и мероприятий по уменьшению бедности. При этом, в частности, образ основного «добытчика» дает мужчине следующую возможность:

...Присвоить себе право требовать государственные и социальные льготы (доступ к услугам, распоряжение деньгами) и делать это на протяжении всей активной трудовой жизни (Elson & Cagatay, 2000, p. 18).

Конечно, изменения в этой сфере происходят. Отдельные культуры поощряют активное участие мужчин в воспитании детей или по крайней мере не сопротивляются этому. Согласно исследованию, изучавшему 700 молодых отцов на Ямайке, половина из тех отцов, что живут в городах, утверждают, что они активно участвуют в семейной жизни, готовят пищу, убирают, делают покупки. На Ямайке действует организация «Объединение отцов» (Fathers Incorporated), которая создает более позитивный образ отцовства и способствует участию отцов в жизни семьи и местного сообщества (Brown & Chevannes, 1993). Исследования в Бразилии подтвердили, что молодые отцы более гибко относятся к своим гендерным ролям, чем пожилые. Есть также свидетельства о том, что ситуация может резко меняться, если мужчины чувствуют опасность для своего гендерно-социального статуса. При этом теоретические основания для таких действий вновь берутся из теории биологического детерминизма и ее предписаний, как «надлежащим образом» должны распределяться роли в семье. Например, «если мужчины чувствуют, что их авторитет в опасности, они могут попытаться усилить контроль над женщинами и девочками, которые их окружают, особенно если мужчины считают, что завоевание женщинами большей независимости будет означать ущерб их статусу как мужчин» (UNICEF, 1997, p. 23).

Работать с такой резкой переменой в отношениях мужчин и с мужским шовинизмом в экономике, политике и культуре нелегко. Элсон (Elson, 1991, p. 15) пишет:

Преодоление мужского шовинизма — это не только дело убеждения, спора, изменения взглядов на повседневные проблемы как в теоретических рассуждениях, так и в практике. Для этого также требу-

Необходимость
установить бо-
лее справедливое
разделение труда
(и его результа-
тов), как в про-
дуктивной, так и
в репродуктивной
сфере, требует
изменений не
только индиви-
дуальных, но и
структурных.

Мужчины и женщины в бедных и маргинальных сообществах имеют значительно меньше экономической свободы выбирать, как распределять продуктивную и репродуктивную деятельность.

ются глубокие структурные изменения в экономике и общественной жизни и действия не только индивидуальные, но и коллективные.

Необходимость установить более справедливое разделение труда (и его результатов), как в продуктивной, так и в репродуктивной сфере, требует изменений не только индивидуальных, но и структурных. В деле ре-социализации мужчин, вовлечения их в работу по уходу и воспитанию в семье, продвижения новых моделей маскулинности теория культурного конструктивизма делает упор на культурно обусловленные аспекты маскулинности. Это, конечно же, необходимо, но недостаточно, чтобы нужные изменения произошли. Формулировка проблемы только в рамках гендерных ролей отвлекает внимание от других основных определяющих параметров, таких как экономический класс. Мужчины и женщины в бедных и маргинальных сообществах имеют значительно меньше экономической свободы выбирать, как распределять продуктивную и репродуктивную деятельность. Чтобы такой выбор можно было реально осуществлять, необходимо создать новые условия не только в культуре, но и в экономике, и для этого требуются коллективные действия как на уровне местных сообществ, так и на уровне всего общества.

Бедность

Многие правительства, ПРООН, а также ряд других организаций, работающих для развития человеческого потенциала, признают связь между гендерным равенством, правами человека и искоренением бедности. Доклад о развитии человеческого потенциала за 1997 г. (UNDP, 1997, р. 7) отмечает:

Стремление к гендерному равенству должно стать в каждой стране частью стратегии по искоренению бедности, как конечная цель и как средство искоренения других форм угнетения человека. Это означает: 1) целенаправленные действия по прекращению дискриминации в отношении девочек во всех аспектах здравоохранения, образования и воспитания, начиная с права на жизнь; 2) обеспечение для женщин равных прав и равного доступа к ресурсам, таким как земля, кредиты, работа; 3) более эффективные действия по прекращению насилия, этого неизменного скрытого спутника бедности. Творческий подход к проблеме гендерного равенства сделает эффективнее каждое действие по искоренению бедности, потому что женщины могут привнести новую энергию, новые взгляды и новые основы для этого движения. Если развитие человеческого потенциала не подвергается гендерному анализу, оно подвергается опасности. И если мероприятия по искоренению бедности не смогут дать женщинам новые возможности, они не смогут дать таких возможностей и обществу в целом.

Из-за гендерного неравенства, и как результат и как воплощение его, появляется «феминизация бедности»² в различных ее формах. Женщины составляют примерно 70% от 1,3 млрд бедных людей мира (Beneria & Bisnath, 1996, р. 6). По сравнению с мужчинами девочки и женщины чаще недоедают и недополучают надлежащее медицинское обслуживание. Из примерно

² Концепция «феминизация бедности» может относиться к целому ряду следующих понятий в различных их сочетаниях: по сравнению с мужчинами женщины чаще становятся бедными; в последнее время частота эта увеличивается; бедность женщин более сурова, чем бедность мужчин (Cagatay, 1998, р. 3).

900 млн неграмотных в мире взрослых людей 2/3 составляют женщины (Cagatay, 1998).

Дискурсы маскулинности способствуют формированию таких властных отношений, которые закрепляют несправедливое разделение труда по гендерному признаку и неравный доступ к ресурсам. Домашние хозяйства, местные сообщества, рынки и государственные системы — все это определяет действия и конфликты, возникающие в сфере контроля над ресурсами и их распределением, и здесь дискурсы маскулинности узаконивают более сильные позиции мужчин по сравнению с женщинами и другими мужчинами. Разделение работы на мужскую и женскую, различия в вознаграждении за одну и ту же работу, недопущение женщин на руководящие должности в экономике, невключение репродуктивной деятельности в макроэкономическое планирование — все это связано с дискурсами маскулинности, которые дают преимущество мужчинам по отношению к женщинам.

Кроме того, и институты глобального общества испытывают значительное влияние гендерных факторов, хотя и кажутся внешне гендерно-нейтральными. Мировой рынок, транснациональные корпорации, мировые геополитические институты и их основополагающие принципы (экономический рационализм, либеральный индивидуализм) выражают гендерно обусловленную логику. «Власть транснациональных корпораций все меньше и меньше контролируется, и сосредоточена она в руках определенных групп мужчин». Язык глобализации представляется как гендерно-нейтральный, в то время как «понятие “индивидуум” в теории неолиберализма в общем-то имеет все атрибуты и выражает интересы предпринимателя мужского пола» (Connell, 1998, p. 15).

Феминистская экономика и другие теоретические подходы к интеграции гендера в экономическое планирование и политическую деятельность на всех уровнях могут более эффективно использовать «маскулинность» как дискурсивную систему, внутри которой можно обозначить мужчин как группу, обладающую социальным полом, и выявить социально обусловленную и политическую природу их привилегий в экономике. Также понимание политики маскулинности может помочь установить связи между различными аспектами бедности (например, свобода, самосознание, насилие) и распределением политической, экономической, культурной власти как по гендерному признаку, так и в рамках одного пола. Такой подход объясняет, почему необходимо работать на уровне местного сообщества, с мужчинами и женщинами, которые вместе живут в бедности (пусть даже по-разному воспринимая ее). Это поможет организовать коллективные действия для устойчивого искоренения бедности и пропаганду этих действий.

Власть и управление

Борьба с гендерным неравенством в распределении бедности и влиянии ее на жизнь людей связана с гендерным неравенством в системах и структурах управления и власти. Институты, занимающиеся развитием человеческого потенциала (а также многие другие), осознают связь между представлением экономических возможностей и политическими свободами. Все большее внимание уделяется определению и устранению барьеров, которые мешают женщинам полноценно участвовать в политических процессах, созданию критической массы женщин на руководящих должностях всех уровней. Описывая начало деятельности системы институтов Панчайат Радж (Panchayat Raj Institutions system, PRI) в Индии, благодаря которой была изменена конституция Индии и введены квоты на места для женщин в местных органах власти, Деваки Джайн (Jain, 1996) пишет:

Наделение женщин полномочиями ставит под сомнение традиционные идеи мужского превосходства и авторитета. Неудивительно, что некоторые мужчины восприняли в штыки систему институтов Панчайат Радж. Ратанпрабха Чиве (Ратна) является сарпанчем (главой) семи халетов (небольших деревень), которые составляют Гера Пурандар Панчайат. Сразу после ее избрания на эту должность ее конкурент избил ее, так как не мог вынести того факта, что женщина оказалась умнее его.

Нежелание мужчин передавать власть женщинам также проявляется и в маргинализации женщин в национально-освободительных движениях. Мак-Клинток (McClintock, 1997, р. 109) описывает, каким образом маскулинизируется национализм в таких движениях и как это ведет к замалчиванию гендерных аспектов в таких политических трансформациях:

Националисты-мужчины обвиняют феминизм в том, что он сеет распри, требуют, чтобы женщины попридержали свои языки до победы революции. Однако феминизм — это политический ответ на гендерный конфликт, а не причина конфликта. Требовать замалчивания уже существующего гендерного конфликта — значит закрывать глаза на бесправное положение женщин и тем самым оправдывать такое положение... Если не трансформировать национализм с помощью гендерного анализа власти, национальное государство останется выражением мужских надежд, мужских устремлений и мужских привилегий.

Аналогично этому, политика маскулинности в антиколониальной борьбе повторяет те дискурсы маскулинности, которые использовались для установления и поддержания колониального господства. Так, например, колониальные власти часто ставили под сомнение маскулинность мужчин в порабощенных странах. Во время британского правления в Индии мужчины бенгали представлялись слабыми и женственными, а мужчины племен пата и сикхов — наоборот, как неуправляемые и склонные к насилию, т. е. с гипертрофированной маскулинностью (Sinha, 1995). Такие же модели отоношений наблюдались в Южной Африке с готтентотами и зулусами, в Северной Америке с навахо и алгонкинами (как слабыми и женственными) и сиу, апачами и шайенами (как неуправляемыми и склонными к насилию). Во многих ситуациях колониальной жизни колонизаторы называли колонизированных мужчин мальчиками, ребятами (см.: Shire, 1994).

Если на должностях, связанных с политической властью и влиянием, будет достаточное количество женщин, это проявит гендерный аспект как ключевой фактор управления и повернет вспять процесс маскулинизации власти, продолжающийся до сих пор. Но остаются еще вопросы представительства интересов различных групп женщин данного общества. То, как маскулинность функционирует в процессе установления и удержания власти на местном, национальном, и глобальном уровнях, показывает, что увеличение количества женщин на руководящих должностях в этих органах власти может быть необходимо, но не достаточно для гендерного равенства в устойчивом процессе развития человеческого потенциала. Говоря более общими терминами, необходимо поставить под сомнение те принципы и критерии (гендер, раса, класс, сексуальная ориентация, этнос, возраст, физические недостатки), на которых держится распределение власти и которое выражается в дискурсах маскулинности и их иерархии не только между различными гендерами, но и внутри их.

Насилие и конфликт

Насилие со стороны мужчин — это один из ключевых определяющих факторов неравенства и несправедливости в гендерных отношениях, который ведет и к ограничению власти женщин, и к их бедности. Насилие является основным измерением бедности. В то же время основные гендерные иерархии в политике и экономике, как в богатых, так и в бедных странах, часто пытаются объяснить так называемой «природной агрессией» мужчин. Понимание развития человеческого потенциала как неотъемлемого права свободного человека означает признание того, что мужское насилие ограничивает развитие женщин и детей, ограничивает их свободы и ущемляет их права. Такое понимание также предполагает признание различного рода социального давления, которое испытывают мужчины и которое может вылиться в насилие, что тем не менее не должно освобождать мужчин от ответственности за свои действия.

Важно признать как необходимость соблюдения индивидуальных свобод, так и всю силу социального влияния на эти свободы. Чтобы решить те проблемы, которые перед нами стоят, мы должны рассматривать индивидуальные свободы как продукт общественного договора (Sen, 1999).

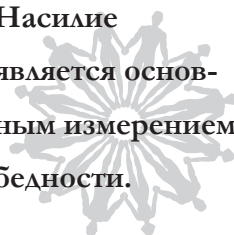
Обобщая двадцать исследований в самых различных странах, Хайсе (Heise, 1997, р. 414) пишет: «...от четверти до половины женщин во многих странах мира сообщают, что они подвергались насилию со стороны своего нынешнего или прошлого партнера». Она делает вывод, что «самой распространенной формой насилия против женщин является насилие против жен, или, точнее, насилие против женщины со стороны мужчины, с которым она живет» (там же). В терминах сексуального здоровья и репродуктивных прав, такое насилие ограничивает возможности женщины выражать свою сексуальность и наслаждаться ею, управлять зачатием и рождением детей и в то же время увеличивает риск осложнений во время беременности и заражения венерическими инфекциями.

Ряд программ, направленных против мужского насилия, отказались от биологического детерминизма в пользу культурного конструктивизма. Это дало им возможность по-новому взглянуть на маскулинность при работе с мужским насилием, дало возможность мужчинам понять, каким образом структурное давление культурных традиций и их собственный детский опыт привели их к насилию. Такой анализ помог некоторым мужчинам качественно измениться.

Программы по предупреждению насилия и борьбе с ним³ широко распространены в мире. Многие организации, входящие в структуру ООН, такие как Фонд развития женщин ООН, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), ПРООН, Фонд народонаселения ООН, в последние десять лет проводят и поддерживают большое количество программ и проектов по предотвращению насилия, некоторые из них — с привлечением мужчин. Генеральная Ассамблея ООН также приняла декларацию № 48/104 по искоренению насилия в отношении женщин.

Во многих странах организации, пропагандирующие гражданское общество, и группы мужчин, поддерживающих феминизм, работают вместе с убежищами для женщин против насилия. Так, в США действуют более ста та-

**Насилие
является основ-
ным измерением
бедности.**

³ Предотвращение имеет целью остановить насилие до того, как оно началось; например, такие инициативы исследуют процессы социализации, используют стратегии общественного самосознания или различные методики обучения друг друга. Борьба с насилием — это работа с теми, кто уже совершает акты насилия.

Помещение мужского насилия в культурно-исторический контекст помогает избежать взгляда на мужское насилие как естественное явление, или как на явление, свойственное преимущественно мужчинам.

ких объединений мужчин, например «Мужчины в борьбе с насилием» (Men Overcoming Violence/MOVE) в Сан-Франциско, «Остановим сексуальное и физическое насилие» (Rape and Violence End Now/RAVEN) в Сент-Луисе, «Мужской ресурсный центр» (Men's Resource Center) в штате Массачусетс, «Волонтерская консультационная служба» (Volunteer Counseling Service) в штате Нью-Йорк и организация ЭМЕРДЖ (EMERGE) в Бостоне. Другие группы в США, такие как, например, «МВП-стратегии» (MVP Strategies), разработали материал для тренингов мужчин и женщин в средних и высших учебных заведениях, корпорациях, органах правопорядка и в военных подразделениях. Подобные программы существуют и в других странах мира. В частности, в индийском городе Мумбай с проблемой домашнего насилия работает волонтерская организация «Мужчины против жестокости и насилия» (Men Against Abuse and Violence). Мексиканская организация КОРИАК (CORIAC) проводит семинары по уменьшению насилия мужчин в отношении женщин. Никарагуанская КАНТЕРА (CANTERA) разрабатывает материалы для тренингов для работы с мужчинами в сфере предотвращения домашнего насилия с использованием популярных образовательных методов. Организация «Международная кампания Белой ленты» (International White Ribbon Campaigns/WRC) призывает мужчин в течение одной недели, обычно с 25-го ноября (Международный день искоренения насилия по отношению к женщинам), носить белую ленточку как символ протеста против насилия, символ нетерпимости к насилию и поддержки женщин. Белая ленточка становится символом нарушения молчания в этой сфере и способствует саморефлексии мужчин. Такие кампании были успешно проведены в более чем десяти странах Африки, Азии, Латинской Америки, а также в США и Австралии.

Изучение связей между мужчинами, маскулинностью и насилием, несомненно, имеет большое значение для общественного сознания и важно с терапевтической точки зрения. Однако не менее важно исследовать и политические возможности этих связей. Описывая проект по борьбе с мужским насилием в Никарагуа, Монтойя (Montoya, 1999) подчеркивает, что важно рассматривать такое насилие в культурно-историческом контексте:

Насилие в отношениях совместно проживающих пар — это проблема власти и контроля... Оно поддерживается социальными структурами угнетения, в которых мы живем, и структуры эти основываются на неравенстве по признаку пола, класса, возраста, расы. История войн каждой отдельной нации и привычка решать конфликты силой также являются базой для насилия. Свою лепту сюда внесли также колониализм и империализм.

Из приведенной цитаты видно, что существует связь между различными видами насилия. Насилие, происходящее в отношениях мужчины и женщины, рассматривается в контексте структурного насилия по признаку гендера, класса, возраста, расы. Кроме того, этот контекст включает в себя ту культуру, которая придает насилию статус «естественности», «нормальности» (что само по себе также акт насилия по отношению к тем, кто признает насилие), а также войны, колониализм и империализм.

Такое помещение мужского насилия в культурно-исторический контекст помогает избежать взгляда на мужское насилие как естественное явление, или как на явление, свойственное преимущественно мужчинам. Вместо этого мы ясно видим, как для конкретных политических целей используются дискурсы маскулинности в эксплуатации концепции якобы «естественной» агрессии и воинственности мужчин. Энлое (Enloe, 1990) описывает способ, с помощью которого власти продолжают строить гендерные отношения та-

ким образом, чтобы милитаризировать общество и мобилизовать для этого «мужчин-воинов». Благоевич (Blagojevic, 1999) так рассматривает мифологию доминирующего типа маскулинности, который стал популярным в Сербии в 1990-х гг. как попытка компенсации реакции мужчин на ситуацию войны:

Во время последней войны многие мужчины вовсе не вели себя как мачо, как «настоящие мужчины». Они, как правило, не поддерживали войну, вопреки тому что СМИ создавали образ воинственных мужчин-сербов. Напротив, во многих смыслах они оказывались жертвами мании величия патриархов и безумия гражданской войны.

Как правило, отношение мужчин и женщин к насилию оказывается намного сложнее, чем гендерно-упрощенные модели мужчины как преступника и женщины как жертвы. Мы вовсе не отрицаем того факта, что женщины страдают от рук мужчин, и происходит это намного чаще, чем мужчины страдают от женщин. Но когда такое гендерно обусловленное межличностное насилие рассматривается в структурном, культурно-историческом контексте всего насилия, которое совершают и мужчины и женщины, вопрос ответственности за насилие значительно усложняется. Чтобы его понять, необходимо проанализировать не только насилие, совершаемое мужчинами, но и насилие, которое лежит в основе иерархий подавления, понять, каким образом дискурсы маскулинности порождают женоненавистничество, гомофобию и расизм. В этом смысле программы по развитию человеческого потенциала, связанные с проблемами мужчин, маскулинности и насилия, должны работать не только с мужчинами (например, программы по преодолению последствий конфликтов), но также заниматься проблемами прав человека и дискриминации.

Здоровье и здравоохранение

Если мужчина правильно понимает, что такое мужчины и что такое женщины⁴, он не придает большого значения своему здоровью и благосостоянию в целом. Он считает себя сильнее большинства женщин как физически, так и эмоционально. Он независим, и помощь других ему не нужна... Он бесстрашно идет навстречу угрозам, рискует, мало заботится о собственной безопасности (Courtenay, 1998, p. 21).

Или как сказал один зимбабвиец, «настоящие мужчины не болеют» (цит. по: Foreman, 1999, p. 22).

Давно было признано, что здоровье во многом имеет гендерную природу. Мужчины и женщины подвержены разным заболеваниям, переносят их по-разному и с разной частотой. Они по-разному относятся к медицинской помощи, по-разному ее получают, и глобальные стратегии здравоохранения влияют на них также по-разному. Одно из основных препятствий к тому, чтобы улучшить здравоохранение женщин, равно как и одно из основных препятствий к тому, чтобы мужчины в достаточной степени пользовались здравоохранением, — это традиционная идеология маскулинности. Женщины, которые хотят шире пользоваться услугами здравоохранения, в частности имеющимися методами контрацепции и безопасного секса, часто

⁴ Скорее всего, здесь описывается так называемое «традиционное» понимание (прим. переводчика).

наталкиваются на «стену непонимания со стороны мужчин» (Meursing & Sibindi, 1995).

В последнее время связь между маскулинностью и общественной системой здравоохранения изучается все интенсивнее. Многие исследователи, в частности Кортени, описывают, как понятия и стереотипы «традиционной» маскулинности подвергают здоровье мужчин опасности и приводят к их преждевременной смерти, уменьшая способность мужчин заботиться о своем здоровье и сохранять его. Достаточно давно исследуются связи между разделением труда по гендерному признаку и статистикой профессиональной заболеваемости и смертности, а также гендерные различия в том, как и когда мужчины и женщины обращаются за медицинской помощью. Много внимания уделяется также понятию «рискованное поведение».

Те, кто рассматривает маскулинность с позиций социально-культурного детерминизма, часто считают рискованность одним из ключевых элементов мужских моделей поведения. Эта концепция оказывает значительное влияние на работу с мужчинами в сфере здравоохранения, и особенно сексуального здоровья. В одном из последних докладов Совместной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (2000) говорится следующее:

...Необходимо изменить пагубные стереотипы маскулинности и распространённые модели мужского поведения, включая то, как мужчины рассматривают риск в сексуальном поведении, и то, как мальчики становятся мужчинами. Это должно стать неотъемлемой частью борьбы с эпидемией СПИДа. От мужчин ожидается, что они обладают физической силой, эмоциональной твердостью, отвагой и мужеством. Некоторые из этих ожиданий понимаются как необходимость рискованных моделей поведения и стереотипов, которые в период наступления СПИДа ставят под угрозу здоровье и благосостояние мужчин и их сексуальных партнеров.

Работа по предупреждению распространения ВИЧ как в гетеросексуальной, так и в гомосексуальной среде рассматривает рискованное поведение как аспект маскулинной идентичности и как демонстрацию маскулинности. Анализ потребностей в такой демонстрации и выявление того, что вынуждает мужчин демонстрировать это посредством рискованного поведения, позволяет мужчинам начать более сознательно относиться к своему сексуальному поведению.

Однако если мы сфокусируем свое внимание на факторе риска как на термине, связывающем маскулинность и низкий уровень здоровья общества, возникнет опасность того, что изучение гендера будет оторвано от контекста сексуальности и более общего контекста властных отношений. Как правило, сексуальное удовольствие и желание не рассматривают как взаимосвязанные термины. Однако часто власть и привилегии мужчин в их отношениях с женщинами трансформируются в потребность мужчин выразить свое желание и получить удовольствие в гетеросексуальных отношениях. Возможно, именно притязания мужчин на получение удовольствия и та демонстрация власти, на которой основываются эти притязания, и объясняют, почему маскулинность именно так влияет на сексуальное здоровье.

Понятия «удовольствие» и «власть» также важны при анализе природы и последствий для здоровья гомосексуальных отношений. Исследование, проведенное в Бразилии и посвященное типам желаний, моделям поведения и типам личностей среди гомосексуалистов (Parker, 1998), содержит немало ценной информации по этой теме. Конечно же, в такой среде нельзя рассматривать рискованное сексуальное поведение как доказательство маскулинности, так как если мужчина выбирает активный или пассивный

анальный секс, это одновременно и отражает те сексуальные и социальные роли, где мужчина доминирует, а женщина подчиняется, и трансформирует эти роли. Паркер описывает, как гомосексуалисты балансируют на грани мужского и женского, заходя и в ту, и в другую область. Он показывает, как при трансформации в гомосексуальную идентичность определяются границы гомосексуальной маскулинности, которая одновременно и нарушает, и укрепляет традиционные структуры власти в сферах проявления сексуальности.

Связь здоровья общества и гендерного неравенства наиболее ярко выражена в распространении ВИЧ. По утверждению Кале Альмедала, одного из руководящих работников Совместной программы ООН по ВИЧ/СПИДу, «ВИЧ распространяется мужчинами» (цит. по: Foreman, 1999, p. viii). В мире примерно 30 млн человек являются носителями ВИЧ, и из них 17 млн — мужчины (Foreman, 1999, p. 172). Ана Луиза Лигуори, руководитель программ фонда Мак-Артуров в Мексике, отмечает, что если и есть в эпидемии СПИДа положительные стороны, так это то, что «она доказывает, что крайне неравные отношения между мужчинами и женщинами в бедных странах представляют опасность для всего человечества» (цит. по: Foreman, 1999, p. 62).

Если мы примем во внимание, что мужская сексуальность и те культурные, экономические и политические факторы, которые определяют ее выражение, являются основным фактором риска в распространении ВИЧ среди многих женщин, становится ясной насущная необходимость включать в программы по предотвращению распространения ВИЧ работу с мужчинами.

Если мы хотим снизить темпы распространения ВИЧ, нам необходимо более тесно включать мужчин в такие программы. Несмотря на то что пока такая мера не является распространенной, она необходима, если мы хотим, чтобы мужчины чувствовали большую ответственность за свое сексуальное и репродуктивное здоровье и за здоровье своих партнеров и членов семей (Rivers & Aggleton, 1999, p. 18).

Программы по уменьшению риска заражения ВИЧ, включающие работу с мужчинами, успешно зарекомендовали себя в таких разных странах, как Таиланд, Великобритания, Австралия и Сенегал. В Карибском регионе осуществляется проект «Гендерная социализация и обучение жизненно важным навыкам», который работает с молодыми мужчинами с целью уменьшения уровня заражения ВИЧ и уровня подростковой беременности и насилия. В Доминиканской республике ряд негосударственных организаций вовлечены в программу «Авансемос» (Avancemos), что в переводе означает «Давайте идти вперед». Эта программа призывает тех, кто пользуется услугами проституток, использовать презервативы. В Зимбабве обучение жизненно важным навыкам и ответственности за жизнь с использованием примеров, связанных с ВИЧ, входит в программу начальной школы.

Возможно, наиболее успешной была программа по снижению уровня заражения ВИЧ в Уганде. Если раньше эта страна имела один из самых высоких уровней заражения ВИЧ в Африке, то теперь он один из самых низких. Программы обучения жизненно важным навыкам введены во всех школах, а для молодежи основная государственная ежедневная газета распространяет бесплатное приложение под названием «Прямой разговор» (Straight

Если мы примем во внимание, что мужская сексуальность и те культурные, экономические и политические факторы, которые определяют ее выражение, являются основным фактором риска в распространении ВИЧ среди многих женщин, становится ясной насущная необходимость включать в программы по предотвращению распространения ВИЧ работу с мужчинами.

Некоторые барьеры, такие как сексизм, соотношение количества работающих мужчин и женщин, иерархические структуры принятия решений, доминирующие стереотипы, глубоко укоренились в организационной структуре. В частности, это выражается в подходе к гендерным проблемам как к чисто женским.

Talk), посвященное проблемам секса. Также важно то, что такие действия сочетаются с усилиями включить в борьбу с социокультурными факторами распространения ВИЧ местные сообщества. Для работы на уровне местного сообщества созданы такие тренинговые программы, как «Ступени» (Stepping Stones), которые способствуют диалогу между мужчинами и женщинами на темы гендера и сексуальности.

Организации, работающие в сфере развития человеческого потенциала, могут способствовать еще большему распространению подобных примеров. Им необходимо признать, что включать мужчин в процесс достижения гендерного равенства и улучшения здоровья нужно не только в программах, посвященных поведению мужчин. Для этого надо также инициировать диалог между мужчинами и женщинами о том, как структуры неравенства определяют уровни заболеваемости и смертности, а также о том, как политика маскулинности поддерживает эти структуры.

Организация отдельных рабочих мест и учреждений в целом

Изменения, которые гендерно-чувствительная политика приносит в распределение ресурсов, должны отражать интересы и взгляды как мужчин, так и женщин. Стратегия гендерного подхода — это постоянное внимание к проблемам гендерного равенства и опыту женщин в работе организаций, разработке планов и программ (UNDP, 1998, р. ii).

Гендерные предрассудки глубоко укоренились в организационной культуре, системе управления и бюрократических структурах. Одним из методов их преодоления является интеграция гендерного подхода, которая не только признает тот факт, что программы по развитию человеческого потенциала и процедуры распределения ресурсов обязательно имеют гендерные аспекты, но и заставляет организации задуматься о том, как гендерные аспекты отражаются в повседневной работе.

Основной целью деятельности ПРООН является искоренение бедности, а для устойчивого искоренения бедности необходимо гендерное равенство. Следовательно, проводя гендерно-чувствительную политику и работая с мужчинами, ПРООН также анализирует свою собственную деятельность, определяет, какие препятствия существуют на пути к рабочей среде, действительно способствующей гендерному равенству. Такой самоанализ также помогает определить другие формы неравенства на рабочем месте, например по признаку класса или расы.

На семинаре по интеграции гендерного подхода в феврале 1999 г. группе работников-мужчин ПРООН было предложено обсудить роль мужчин в достижении гендерного равенства и продвижении женщин в культуре, политике, экономике. Вскоре эта группа развилась в группу «Мужчины ООН за гендерное равенство», которая определила ряд барьеров, мешающих равенству полов на рабочем месте:

- Внутренняя культура организации. Некоторые барьеры, такие как сексизм, соотношение количества работающих мужчин и женщин, иерархические структуры принятия решений, доминирующие стереотипы, глубоко укоренились в организационной структуре. В частности, это выражается в подходе к гендерным проблемам как к чисто женским.

- Недостаточные возможности для мужчин обсудить проблемы гендерного равенства с другими работниками, как мужчинами, так и женщинами.
- Ограниченное число мужчин, которые участвуют в программах гендерной интеграции. Например, в вышеупомянутом семинаре по интеграции гендерного подхода соотношение женщин и мужчин было 6:1 соответственно.

Группа «Мужчины ООН за гендерное равенство» впоследствии распространила заявление под названием «Интеграция гендерного подхода: перспективы мужчин», где участники предложили свой взгляд на причины возникновения подобных барьеров:

- (1) **Страх:** часто при первом знакомстве с принципами интеграции гендерного подхода мужчины испытывают страх. Они боятся, что продвижение женщин будет угрожать их личному и профессиональному статусу. Этот страх также подкрепляется беспокойством о том, что выступающий за равенство женщин мужчина будет осмеян и его мужская идентичность будет поставлена под сомнение.
- (2) **Отсутствие опыта:** мужчины, работающие в структурах ПРООН (особенно работающие недавно), не имеют ни теоретической базы, ни профессионального опыта в гендерных вопросах. Из-за этого для проектов, связанных с гендерными проблемами, часто набирают женщин, причем независимо от их опыта. Как следствие, любой разумный диалог о гендерном равенстве и роли мужчин и женщин в интеграции гендерного подхода выглядит оторванным от общей повестки дня.
- (3) **Организационная культура:** организационная культура ПРООН формировалась как результат предыдущей деятельности, а эта деятельность разделяла мужчин и женщин. Для тех работников, которые хотели бы проявить инициативу в достижении большего гендерного равенства, не существует структур и процедур, этому способствующих.

В настоящее время группа «Мужчины ООН за гендерное равенство» проводит заседания и семинары, а также регулярно обновляет Интернет-сайт с возможностью участвовать в электронном форуме, т. е. создается возможность диалога на темы гендерных проблем, организационных барьеров на пути к гендерному равенству и путей устранения этих барьеров. Таким образом группа ищет способы вовлечения мужчин в процесс интеграции гендерного подхода.

Фактически стратегия интеграции гендерного подхода требует, чтобы гендерные проблемы находились в центре дискуссий по вопросам развития человеческого потенциала, а не маргинализировались как «чисто женские проблемы». Организации должны рассматривать не только свою миссию и деятельность с точки зрения гендерных проблем, но и пересмотреть свою внутреннюю организационную структуру, пути и процедуры принятия административных решений, кадровую политику.

В дискуссии об интеграции гендерного подхода должны активно участвовать и мужчины, даже если они настроены против продвижения женщин как в повседневной жизни, так и в политике. Руководство организации

должно способствовать развитию гендерного равенства и поддерживать такие инициативы. Организация, работающая в сфере развития человеческого потенциала, только тогда способна по-настоящему решать проблемы гендерного равенства, искоренения бедности, прав человека, если она сама будет проводить гендерно-чувствительную политику в своей внешней и внутренней деятельности.

ИТОГИ И ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Анализ типов маскулинности и роли мужчин в достижении гендерного равенства — довольно новый вид деятельности в сфере развития человеческого потенциала. Данная работа представила обзор значений маскулинности и сфер ее использования, для того чтобы заставить ученых и практиков задуматься над этими вопросами и начать дискуссию, а также предложить некую теоретическую базу для тех, кто практически работает с мужчинами. Чтобы такая работа продолжалась, необходимо и далее информировать общество о важности участия мужчин в достижении гендерного равенства и пропагандировать это участие на всех уровнях, от международных форумов до местных дебатов по самоуправлению, а также планировать и реализовывать соответствующие программы и проекты.

Показать природу маскулинности, помочь мужчинам осознать свою гендерную сущность и то, как она влияет на их жизнь и на жизнь женщин, — это первый шаг к уменьшению гендерного неравенства. Такие действия углубят и расширят тематику дискуссий о мужчинах, маскулинности и гендерном равенстве.

Вторым этапом может стать расширение программ в этой сфере. Организации, работающие под эгидой ООН, и группа «Мужчины ООН за гендерное равенство» могут помочь практикам обозначить отправные точки, найти теоретическую базу и разработать практические методики. Ресурсы и методики, размещенные на сайте группы (http://www.undp.org/gender/programmes/men/men_ge.html), можно комбинировать с другими материалами, в частности ресурсами для местных сообществ, для процессов социализации и т. д., и таким образом решать конкретные задачи в сфере гендерных проблем. Эти материалы могут быть использованы в самых различных программах и регионах.

В Отчете по развитию человеческого потенциала за 1995 г. обозначены основные цели таких изменений:

Одной из основных характеристик 20-го столетия была непрекращающаяся борьба за гендерное равенство. Она велась в основном женщинами, но все больше мужчин поддерживают ее. Когда эта борьба увенчается успехом — а это обязательно произойдет, — это будет значительная веха в истории человечества, и она изменит условия общественной, экономической и политической жизни.

Чтобы достичь этой цели, необходимы действия многих мужчин и женщин, местных сообществ, общественных организаций, агентств по развитию человеческого потенциала, правительственных органов. Такая работа уже идет, но ее можно улучшить, если обеспечить взаимодействие на различных уровнях, добавив к этому лучшее понимание дискурсов маскулинности.

Ниже мы предлагаем ряд дискуссионных тем для тех, кто практически работает в вышеупомянутой сфере:

- **Гендерная интеграция и организационные культуры.** Для начала необходимо вывести гендерные проблемы из рамок «чисто женских дел» и признать за ними статус проблем развития человеческого потенциала и прав человека, касающихся как мужчин, так и женщин. Многие организации вводят в свою работу принципы, касающиеся гендерных проблем, — от распределения ресурсов и борьбы с сексуальными домогательствами до правил приема на работу и предоставления отпусков. Однако необходимо также работать с более глубинными структурами, усиливающими дискриминацию, такими как «барьеры» в организационных культурах.
- **Разработка политических проектов и мероприятий.** Дискуссии о гендерном равенстве должны проходить не только в организациях, но и в политических кругах местного, регионального, национального уровней. Это поможет глубже понять, какими могут быть содержание и результаты политических проектов и мероприятий, покажет необходимость координировать действия на различных уровнях. Например, исследования по оценке социальных и экономических последствий бытового насилия могут повлиять на разработку более целостной политики местного уровня (мероприятия в местных сообществах, школах, органах правопорядка и здравоохранения), а также на политику в масштабе страны (социальное, экономическое, трудовое законодательство).
- **Особое внимание — молодежи и процессам ее социализации.** В процессе гендерной социализации ключевую роль играют семья, система образования, религиозные институты, и они же могут стать проводниками перемен. Если отцы будут уделять больше внимания семье и домашней работе, это может оказать значительное влияние на социализацию мальчиков и девочек. В школах необходимо дать девочкам больше возможностей участвовать в общественной жизни, а также проанализировать, почему в процессе социализации мальчики часто теряют интерес к интеллектуальной деятельности. В религиозных институтах духовные лидеры, которые ставят взаимопонимание и сочувствие выше более традиционных мужских качеств, могут стать образцами поведения для молодежи.
- **Работа с классовыми различиями и другими факторами неравенства.** Понимание того, что неравенство может иметь различные формы, поможет мужчинам и женщинам лучше понять друг друга, так как другие факторы неравенства действуют также и на мужчин. Хотя гендерный фактор может быть определяющим в построении и поддержании властных отношений, он действует в сочетании с другими, например этнической принадлежностью, классом, расой. Когда мы спрашиваем, как в результате этого процесса выиграют мужчины, становится ясно, что гендерное равенство есть лишь часть более общей проблемы социальной справедливости, и решение ее будет выгодно для большинства мужчин — в материальном смысле и для всех мужчин — психологически и духовно. В свою очередь анализ, например, классовых и расовых проблем может помочь продвижению женщин, так как поставит вопрос: «О каких конкретно женщинах идет речь?»

- **Сексуальность.** Трудно анализировать гендерное неравенство без учета сексуальности, а также той системы отношений пол/гендер, которые основаны на конкретной модели сексуального (т. е. гетеросексуального) поведения. Признание того, что различные способы выражения сексуальности имеют право на существование, — мощный фактор изменения традиционных взглядов на сексуально-гендерные отношения, а также хороший инструмент практического анализа для определения потенциальных возможностей гендерных отношений и путей их развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Barber B., 1994, *Macdonald's and Jihad*, New York: Simon and Schuster
- Barker G., 1996 'The Misunderstood Gender: Male Involvement in the Family and.
- Beneria L. and Bisnath S., 1996, 'Gender and Poverty: An Analysis for Action', Gender in Development Monograph Series Number 2, New York, UNDP
- Blagojevic M., 1999, Personal communication
- Brown J.P. and Chevannes B., 1993, Report on the Contribution of Men to the family: A Jamaican Pilot Study, Caribbean Child Development Centre, Kingston: University of the West Indies
- Cagatay N., 1998, 'Gender and Poverty', Social Development and Poverty Elimination Division Working Paper 5, New York: UNDP
- Connell R. W., 1987, *Gender and Power*, Stanford: Stanford University Press
- Connell R.W., 1995, *Masculinities*, Cambridge: Polity
- Connell R.W., 1998, 'Masculinities and Globalization', in *Men and Masculinities*, Volume 1, Number 1
- Courtenay W. H., 1998, 'College Men's Health: An Overview and a Call to Action' in *Journal of American College Health*, Volume 46, Number 6
- Desai S., 1994, 'Women's Burdens: Easing the Structural Constraints' in A. Sen, A. Germain and L. Chen (Editors), *Population Policies Reconsidered: Health, Empowerment and Rights*, Boston: Harvard School of Public Health
- Elson D. and Cagatay N., 2000, *The Social Content of Macroeconomic Policies*, forthcoming in July 2000 Special Issue of *World Development* "Growth, Trade, Finance and Gender Inequality"
- Elson D., 1991, (Editor) *Male Bias in the Development Process*, Manchester: Manchester University Press
- Enloe C., 1990, *Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics*, Berkeley: University of California Press
- Foreman M., 1999, (Editor) *AIDS and Men: Taking Risks or Taking Responsibility*, London: Zed Books
- Gokova J.K., 1998, 'Challenging men to reject gender stereotypes' in *AIDS/STD Health Promotion Exchange*, Number 2
- Heise L.L., 1997, 'Violence, Sexuality and Women's Lives' in R.N. Lancaster and M. di Leonardo (Editors), *The Gender Sexuality Reader: Culture, History, Political Economy*, New York and London: Routledge: 411-434
- Jain D., 1996, 'Panchayat Raj: Women Changing Governance', Gender in Development Monograph Series Number 5, New York: UNDP
- Jurgensmeyer M., 1995, *The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State*, Berkeley: University of California Press
- McClintock A., 1997, "No Longer in a Future Heaven": Gender, Race and Nationalism' in A. McClintock A. Mufti and E. Shohat (Editors) *Dangerous Liaisons: Gender, Nation and Postcolonial Perspectives*, Minneapolis: University of Minnesota Press
- Meursing K. and Sibindi S., 1995, 'Condoms, Family Planning and Living with HIV in Zimbabwe' in *Reproductive Health Matters*, Volume 5
- Montoya O., 1999, Personal communication

- Parker R.G., 1998, *Beneath the Equator: Cultures of Desire, Male Homosexuality, and Emerging Gay Communities in Brazil*, New York: Routledge
- Reproductive and Sexual health in Latin America and the Caribbean', Report to the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Population Program, New York: MacArthur Foundation
- Rivers K. and Aggleton P., 1999, *Men and the HIV Epidemic*, New York: UNDP HIV and Development Programme
- Sedgwick E.K., 1995, 'Gosh, Boy George, You Must Be Awfully Secure in Your Masculinity' in M. Berger, B. Wallis and S. Watson (Editors) *Constructing Masculinity*, New York and London: Routledge
- Sen A., 1999, *Development as Freedom*, New York: Knopf
- Shire C., 1994, 'Men Don't Go to the Moon: Language, Space and Masculinities in Zimbabwe' in A. Cornwall and N. Lindisfarne (Editors), *Dislocating Masculinity: Comparative Ethnographies*, New York: Routledge
- Sinha M., 1995, *Colonial Masculinity: The Manly Englishman and the Effeminate Bengali in the Late Nineteenth Century*, Manchester: Manchester University Press
- UNAIDS, 2000, *Men and AIDS — a Gendered Approach: 2000 World AIDS Campaign*, Geneva: UNAIDS
- UNDP, 1995, *The Human Development Report*, New York: Oxford University Press
- UNDP, 1997, *The Human Development Report*, New York: Oxford University Press
- UNDP, 1998, *Building Capacity for Gender Mainstreaming: UNDP's Experience*, New York: UNDP
- UNICEF, 1997, *Role of Men in the Lives of Children: A Study of How Improving Knowledge About Men in Families Helps Strengthen Programming for Children and Women*, New York: UNICEF
- United Nations, 1994, *Report of the International Conference on Population and Development*, Cairo, 5-13 September 1994, New York: United Nations
- United Nations, 1995, *Declaration and Programme of Action of the World Summit for Social Development*, New York: United Nations
- United Nations, 1995a, *The Beijing Declaration and Platform for Action*, New York: United Nations
- United Nations, 1999, *World Survey on the Role of Women in Development*, New York: United Nations
- White S.C., 1997, 'Men, masculinities and the politics of development' in C. Sweetman (Editor), *Men and Masculinity*, UK and Ireland: Oxfam: 14-23

Данное издание переведено в рамках проекта ПРООН
«Интеграция гендерного равенства в работу Программы развития»

Издание напечатано на бумаге,
которая является полностью переработанной